

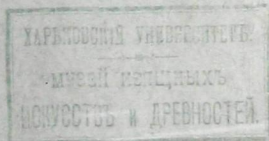
46761

Проф. Я. А. Денисовъ.

2452.

А. С. ВЯЗИГИНЪ.

По поводу 25-лѣтія научно-педагогической
дѣятельности.



ХАРЬКОВЪ.
1917.

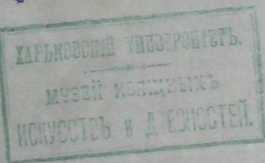
Проф. Я. А. Денисовъ.

№ инт. кн.
1917г.
5365

2452.

А. С. ВЯЗИГИНЪ.

По поводу 25-лѣтія научно-педагогической
дѣятельности.



№ 46761
1920/34
VII

08

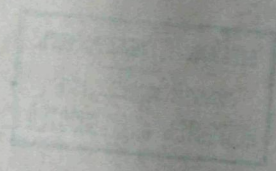
ХАРЬКОВЪ.
1917.



189 99
166 79 61

08

А. С. ВРАННИКОВ



Къ двадцатипятилѣтію научно-педагогической дѣятельности проф. А. С. Вязигина.

Нынѣ исполнилось двадцать пять лѣтъ въ высокой мѣрѣ плодотворнаго служенія А. С. Вязигина на учено-педагогическомъ поприщѣ. Это даетъ намъ право бросить общій взглядъ на итоги многосторонней дѣятельности почтеннаго юбиляра, хотя крѣпость его духовныхъ и тѣлесныхъ силъ служить надежною порукой за то, что онъ многое еще можетъ сдѣлать въ будущемъ.

По своему происхожденію А. С. Вязигинъ принадлежитъ къ коренному мѣстному служилому дворянству. Родился онъ 15 октября 1867 года на хуторѣ Оедоровка Волчанскаго уѣзда, расположенномъ у самой границы Харьковскаго уѣзда. Хотя А. С. Вязигинъ и получилъ свое воспитаніе въ одной изъ Харьковскихъ гимназій и провелъ время своего дѣтства и юности въ городѣ, однако изъ-за близости къ Харькову хутора, находившагося во владѣніи его семьи, онъ проживалъ тамъ не только на каникулахъ, но и вообще всякій разъ, какъ былъ свободенъ, никогда не теряя самой тѣсной связи съ деревней. Это имѣло свое значеніе въ томъ отношеніи, что онъ съ дѣтства полюбилъ деревню и всегда близко принималъ къ сердцу нужды и запросы крестьянской и мелкопомѣстной Руси. Сюда остается добавить развѣ только то, что, какъ онъ самъ сообщаетъ намъ въ своей автобіографіи, помѣщенной въ біографическомъ словарѣ профессоровъ и преподавателей Императорскаго Харьковскаго университета, огромное вліяніе на выработку его міросозерцанія оказала его бабка М. А. Худашова, умная старуха, крѣпкая въ своихъ нравственныхъ устояхъ¹⁾. Она сумѣла внушить своему внуку съ ранняго дѣтства твердыя религіозныя убѣжденія и непоколебимое чувство долга.

Перейдя въ 1886 году въ Харьковскій университетъ, А. С. Вязигинъ весь отдался слушанію лекцій по Историко-Филологиче-

¹⁾ Историко-Филологическій факультетъ Харьковскаго университета за первыя 100 лѣтъ его существованія. II, стр. 295 и сл.

Часть I-III

скому факультету и съ особеннымъ увлеченіемъ сталъ принимать участіе въ практическихъ занятіяхъ по исторіи. Нагляднымъ доказательствомъ достигнутыхъ имъ въ этой области успѣховъ служить золотая медаль, полученная имъ за сочиненіе: „Борьба Генриха IV съ Григоріемъ VII до избранія Рудольфа Швабскаго“. (По источникамъ). Проф. В. К. Надлеръ въ своемъ официальномъ отзывѣ, представленномъ въ факультетъ, приходитъ къ такому заключенію: „Трудъ этотъ во всѣхъ отношеніяхъ выдающійся, какъ произведеніе начинающаго стоитъ высоко надъ уровнемъ студенческой работы: онъ обнаруживаетъ въ авторѣ не только необыкновенное прилежаніе, но и недюжинныя способности. Напечатанный съ небольшими измѣненіями онъ могъ бы смѣло служить магистерской диссертацией. Какъ упомянуто, сочиненіе это раздѣлено на три части и каждая изъ нихъ въ отдѣльности была бы уже достойна золотой медали, о цѣломъ же не можетъ быть сомнѣнія: золотая медаль является вполне заслуженной наградой“.

По окончаніи экзаменовъ съ дипломомъ первой степени въ государственной испытательной комиссіи 1891 года, А. С. Вязигинъ былъ оставленъ стипендіатомъ для приготовленія къ профессорскому званію по кафедрѣ всеобщей исторіи съ назначеніемъ содержанія изъ суммъ министерства. Быстро приготовившись къ испытанію на степень магистра, нашъ молодой ученый выдерживаетъ въ 1894 году установленныя экзамены и въ концѣ того же года получаетъ званіе приватъ-доцента; одновременно съ этимъ факультетъ поручаетъ ему чтеніе лекцій по исторіи Среднихъ вѣковъ.

13
Но уже спустя всего четыре года, 19 декабря 1898 года А. С. Вязигинъ защищаетъ въ родномъ ему Харьковскомъ университетѣ диссертацию на степень магистра всеобщей исторіи, озаглавленную: „Очерки изъ исторіи папства въ XI вѣкѣ“. Однако, и. о. экстра-ординарнаго профессора, согласно представленію факультета, онъ былъ утвержденъ Высочайшимъ приказомъ лишь 22 декабря 1901 года. За это время 29 декабря 1899 года онъ получилъ командировку въ Москву на засѣданія предварительнаго комитета по устройству Археологическаго съѣзда въ Харьковѣ, а съ 1901 года сверхъ чтенія лекцій по исторіи Среднихъ вѣковъ факультетъ поручаетъ ему еще весьма отвѣтственный курсъ по исторіи Рима.

Такимъ путемъ профессорская дѣятельность А. С. Вязигина продолжалась до перваго ноября 1907 года, когда онъ былъ избранъ въ члены Государственной Думы. Будучи вынужденъ вслѣд-

ствіе этого покинуть свой тихій учений кабинетъ ради шумной политической арены, онъ никогда не разставался съ мыслью снова вернуться къ любимымъ книгамъ и каѳедрѣ и даже въ Петроградѣ продолжалъ свои научныя занятія. И дѣйствительно, послѣ окончанія своихъ думскихъ полномочій онъ немедленно приступилъ къ исполненію своихъ профессорскихъ обязанностей.

Въ Харьковѣ между тѣмъ стали твердо на ноги Высшіе Женскіе курсы при Обществѣ трудящихся женщинъ. Само собою разумѣется, что такой выдающійся преподаватель, какъ А. С. Вязигинъ, не могъ быть обойденъ приглашеніемъ занять и здѣсь соответствующую каѳедру. И вотъ, съ весенняго полугодія 1913 года онъ и на курсахъ читаетъ лекціи и ведетъ практическія занятія по исторіи Среднихъ вѣковъ.

Будучи широко знакомъ со своимъ предметомъ по первоисточникамъ, отличаясь удивительно тонкимъ критическимъ чутьемъ, совмѣщающимся у него—что такъ рѣдко бываетъ—съ даромъ комбинаціи, свободно владѣя художественнымъ словомъ, А. С. Вязигинъ пользуется исключительнымъ успѣхомъ у своихъ слушателей какъ лекторъ. Они цѣнятъ въ немъ независимость взглядовъ, широкой исторической кругозоръ, къ которому въ настоящее время присоединяется обширный практическій опытъ въ политической жизни, умѣнье выдѣлить въ своемъ преподаваніи существенное отъ несущественнаго, привести въ стройную систему свои мысли, и, наконецъ, внести въ свое изложеніе красочность. Благодаря всѣмъ этимъ достоинствамъ преподаванія аудиторія А. С. Вязигина въ концѣ года бываетъ столь же многочисленной, какъ и въ началѣ.

Не менѣе блестяще ведетъ онъ и свои практическія занятія. Онъ поражаетъ здѣсь своимъ терпѣніемъ и настойчивостью, съ какимъ пріучаетъ своихъ слушателей и слушательницъ относиться вдумчиво къ читаемымъ подъ его руководствомъ памятникамъ давно угасшей жизни, угадывать, какой внутренней смыслъ кроется за порою туманными фразами какого-нибудь средневѣковаго клирика. По отзывамъ лицъ, которые принимали участіе въ практическихъ занятіяхъ подъ руководствомъ нашего профессора, дѣло у него сводится къ чрезвычайно интересному рѣшенію проблемъ сначала простыхъ, а потомъ все болѣе и болѣе сложныхъ, на которыхъ онъ знакомитъ свою аудиторію съ научными приѣмами. Нечего и говорить, какую неоцѣнимую школу проходятъ здѣсь слушатели нашего юбиляра и съ какою жадностію они ловятъ каждое его слово, каждое его замѣчаніе.

Одного этого было бы, конечно, вполне достаточно для того, чтобы съ честію занимать каѳедру исторіи въ любомъ универси-

100 Висель 1913

14

тетъ. Но А. С. Вязигинъ въ то-же время является и выдающимся ученымъ въ области своей специальности. Собственно ученая дѣятельность его началась ранѣ преподавательской и относится еще къ 1891 году, когда онъ въ серіи: „Жизнь замѣчательныхъ людей“ Павленкова выпустилъ въ свѣтъ свою небольшую работу: „Григорій VII, его жизнь и общественная дѣятельность“. Сочиненіе это носить популярный характеръ и отличается небольшимъ объемомъ. Но написано оно съ полной научной добросовѣстностью и мастерствомъ и обнаруживаетъ, чего можно было уже тогда ожидать въ будущемъ отъ этого пока начинающаго автора. Вѣдь, это—избитая истина, что написать вполне научную работу сжато и популярно гораздо труднѣе, чѣмъ составить объемистый научный трудъ на ту-же самую тему. Внѣшнимъ показателемъ успѣха работы, о которой идетъ рѣчь, служить то, что она вскорѣ послѣ своего выхода въ свѣтъ быстро разошлась.

Послѣ того замѣчательная личность папы Григорія VII и его эпоха надолго приковываютъ къ себѣ вниманіе нашего ученаго. Ей онъ посвящаетъ въ 1892 году въ „Историческомъ Обозрѣніи“ довольно большую статью, озаглавленную: „Личность и значеніе Григорія VII въ исторической литературѣ“ ¹⁾. Въ слѣдующемъ 1893 году онъ пишетъ разборъ книги крупнаго нѣмецкаго ученаго Мирбта: „Die Wahl Gregors VII“ ²⁾. На 1896 годъ приходятся двѣ работы нашего автора, относящіяся къ тому-же вопросу: „Замѣтки по исторіи полемической литературы XI вѣка“ и „Новѣйшія изслѣдованія по исторіи Григорія VII и его времени“ ³⁾. Эта послѣдняя статья содержитъ въ себѣ разборъ двухъ выдающихся сочиненій въ нѣмецкой наукѣ: „Die Publizistik im Zeitalter Gregors VII“ Мирбта и „Gregor VII, sein Leben und Wirken“ Мартенса. Въ 1897 онъ помѣщаетъ въ Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія критическій разборъ книги князя Е. Н. Трубецкого: „Религіозно-общественный идеалъ западнаго христіанства въ XI вѣкѣ“ ⁴⁾. Въ слѣдующемъ году въ томъ-же ученомъ органѣ мы находимъ новую статью А. С. Вязигина подъ заглавіемъ: „Новый сборникъ памятниковъ средневѣковой публицистики“ ⁵⁾.

Нечего и говорить, что каждая изъ этихъ статей представляетъ собою добросовѣстнѣйшій разборъ избраннаго сочиненія или относящейся сюда литературы, обнаруживающій выдающагося

¹⁾ И. О., № 4.

²⁾ Записки Императорскаго Харьковского Университета, № 3

³⁾ Рус. Бесѣда, № 2.

⁴⁾ Ж. М. Н. Пр., № 8.

⁵⁾ Ib., № 4.

знатока вопроса съ независимыми взглядами. Его обширнымъ познаниямъ, обнаруженнымъ въ одной изъ указанныхъ статей, отдааетъ должную дань нѣмецкій ученый Лаухерть ¹⁾. А извѣстный знатокъ полемической литературы XI вѣка, упомянутый уже выше марбургскій профессоръ Мирбтъ, признаетъ работы молодого Харьковскаго ученаго „очень основательными“. Его „компетентная критика“, замѣчаетъ онъ, „наводитъ на новыя соображенія и предлагаетъ дополненія и поправки“ ²⁾.

Такъ-же высоко ставитъ перечисленныя статьи и проф. В. П. Бузескуль. „Во всѣхъ этихъ работахъ“, пишетъ онъ, „ярко обнаруживается самостоятельность автора, тонкій критическій анализъ, замѣчательное знаніе памятниковъ и новѣйшей литературы предмета. Даже рецензіи—и тѣ не представляютъ простой передачи содержанія разбираемой книги, а даютъ рядъ замѣчаній, поправокъ и наблюдений, подчасъ цѣнныхъ, освѣщающихъ вопросъ съ новой точки зрѣнія“. „Неудивительно поэтому“, заканчиваетъ авторъ, „что эти труды г. Вязигина доставили ему среди спеціалистовъ вполне заслуженную репутацію знатока изучаемой эпохи“ ³⁾.

Въ свой чередъ, кн. Е. Н. Трубецкой въ своемъ отвѣтѣ А. С. Вязигину на отзывъ объ его докторской диссертации: „Религіозно-общественный идеаль западнаго христіанства въ XI вѣкѣ“, называетъ его рецензію „заслуживающей особаго вниманія, такъ какъ она принадлежитъ перу одного изъ лучшихъ современныхъ знатоковъ эпохи Григорія VII“. Далѣе, онъ же указываетъ, что „своими учеными трудами А. С. Вязигинъ пріобрѣлъ почетную извѣстность не только у насъ въ Россіи, но и среди западныхъ ученыхъ“, при чемъ ссылается на отзывы профессоровъ Лаухерта и Мирбта. Заканчиваетъ свой отвѣтъ кн. Е. Н. Трубецкой слѣдующими строками: „Въ заключеніе считаю долгомъ еще разъ высказать мою искреннюю признательность уважаемому харьковскому профессору за его цѣнныя замѣчанія, въ которыхъ онъ еще разъ обнаружилъ свое высокое безпристрастіе, богатую эрудицію и тонкій критическій анализъ—обычныя качества его произведеній“ ⁴⁾. Точно также въ извѣстномъ французскомъ журналѣ, посвященномъ спеціально изученію Среднихъ вѣковъ и потому носящемъ заголовокъ: „Le Moyen âge“, М. Гавриловичъ пишетъ, что нашъ молодой ученый за свои статьи „по единоголосному мнѣнію рус-

¹⁾ Revue internationale de Théologie, 1897 г., стр. 452 и сл.

²⁾ Die Publizistik, стр. 580—1.

³⁾ Журн. Мин. Нар. Просв., 1899 г., № 3, стр. 156.

⁴⁾ Ib., 1897 г., № 13, стр. 501 и сл. и 508. Курсивъ подлинника.

скихъ и иностранныхъ критиковъ пользуется неоспоримымъ авторитетомъ (*compétence incontestable*) въ исторіи папства XI вѣка¹⁾.

Но, съ моей точки зрѣнія, изъ всѣхъ перечисленныхъ обзоровъ прямо таки крупнымъ вкладомъ въ науку является первый, который кн. Е. Н. Трубецкой называетъ „прекрасной характеристикой западной исторіографіи“ и на который онъ ссылается въ предисловіи къ своей докторской диссертациі: „Религіозно-общественный идеаль западнаго христіанства въ XI вѣкѣ“ (стр. VI—VII). Въ этомъ обзорѣ съ исчерпывающей полнотою разбирается борьба всей новѣйшей католической и протестантской литературы, сосредоточившаяся вокругъ личности Григорія VII и его времени. Здѣсь особенное вниманіе между прочимъ удѣляется капитальному и талантливому, хотя и безпорядочно написанному, труду Гфререра: „Papst Gregor VII und sein Zeitalter“ въ семи томахъ. Выводы, къ которымъ приходитъ нашъ ученый таковы: „И такъ, прошло болѣе 800 лѣтъ почти непрерывнаго интереса къ дѣятельности великаго папы, но еще до сихъ поръ самая личность Григорія въ его молодые годы, его раннія отношенія къ многимъ выдающимся дѣятелямъ первой половины XI столѣтія, установленіе вліяній и воздѣйствій, сдѣлавшихъ изъ него то, чѣмъ онъ былъ, основныя его побужденія остаются въ тѣни, еще ждутъ и зовутъ работниковъ. Русскимъ изслѣдователямъ здѣсь открывается широкое и благодарное поле: имъ говорятъ не такимъ страстными и жгучимъ языкомъ, какъ для западныхъ ученыхъ, великіе образы прошлаго, ихъ менѣе волнуютъ воспоминанія о прежнемъ, давно умчавшемся времени, менѣе будятъ злобу или пріязнь теперешнія отношенія—плодъ предшествующихъ заблужденій или высокихъ порывовъ сошедшихъ уже въ могилу историческихъ дѣятелей. Для нихъ „всемирная исторія“—не всемірный судъ, а безстрастное воспроизведеніе прошлаго во всемъ его величіи или безобразіи“²⁾.

Трудно себѣ представить, чтобы авторъ приведенныхъ строкъ, къ тому-же уже давно заинтересовавшийся личностью Григорія VII, съ живымъ и отзывчивымъ темпераментомъ А. С. Вязигина, не попытался самъ выполнить задачу, которую онъ въ такихъ заманчивыхъ выраженіяхъ предлагаетъ рѣшить русскимъ ученымъ. И дѣйствительно, въ 1898 году онъ выпускаетъ въ свѣтъ свое капитальное изслѣдованіе, озаглавленное: „Очерки изъ исторіи папства въ XI вѣкѣ (Гильдебрандъ и папство до смерти Генриха III)“.

Эта работа, послужившая автору магистерской диссертацией, содержитъ въ себѣ шесть главъ. Изъ нихъ въ первой изучается

¹⁾ Le M. a., 1900 г., 2-я серія, т. IV, стр. 544.

²⁾ И. О., 1892 г., № 4, стр. 284 и сл.

„Темная пора въ жизни Гильдебранда“, его дѣтство и молодость до выступленія въ качествѣ историческаго дѣятеля. Остальныя пять главъ посвящены изображенію состоянія папства въ половинѣ XI вѣка и попыткамъ папъ этой эпохи реформировать католическую церковь вплоть до Виктора II. Общая мысль, которую проводитъ авторъ въ своемъ сочиненіи заключается въ томъ, что роль Гильдебранда, будущаго Григорія VII, въ этомъ дѣлѣ была вовсе не такъ велика, какъ объ этомъ принято полагать въ наукѣ. „Всѣ наиболѣе характерныя признаки преобразовательнаго движенія, выразителемъ котораго считается Григорій VII, обнаруживаются уже задолго до начала его исторической дѣятельности“¹⁾. Гильдебранда-Григорія VII авторъ вовсе не склоненъ считать „геніальнымъ“ реформаторомъ, каковымъ онъ слыветъ въ западной наукѣ: въ сущности, онъ былъ не болѣе, какъ сотрудникомъ троихъ своихъ предшественниковъ Григорія VI, Льва IX и Виктора II. Онъ отличался только „умѣньемъ пользоваться обстоятельствами для достиженія намѣченной цѣли и дѣлать изъ людей свои орудія“²⁾.

Появленіе „Очерковъ изъ исторіи папства“ составило крупное событіе въ русской исторической наукѣ и, какъ этого надобно было ожидать, вызвало рядъ рецензій. Покойный профессоръ по кафедрѣ Исторіи церкви А. С. Лебедевъ на страницахъ „Русскаго Вѣстника“ достоинствомъ этого „серьезнаго труда“ считаетъ „широкое знакомство его автора съ источниками и литературою предмета“, „совершенную самостоятельность изслѣдованія вопроса“ и полную „объективность при изложеніи его фактической стороны“³⁾. Книга А. С. Вязигина, по его мнѣнію, „безспорно, составляетъ добрый вкладъ въ нашу историческую литературу, съ которымъ обязательно будутъ справляться всѣ, кого такъ или иначе будетъ интересовать изслѣдованный авторомъ вопросъ“⁴⁾.

Самъ выдающійся знатокъ эпохи средневѣковья, кн. Е. Н. Трубецкой даетъ такой общій отзывъ объ „Очеркахъ“: „Прекрасное изслѣдованіе профессора Вязигина составляетъ плодъ долголѣтнаго, тщательнаго изученія памятниковъ XI вѣка“. „Магистерская диссертация А. С. Вязигина“, продолжаетъ онъ, „появившаяся послѣ цѣлаго ряда подготовительныхъ работъ, является плодомъ мысли вполне созрѣвшей и искусившейся: въ ней, какъ и въ другихъ... трудахъ авторъ обнаруживаетъ качества, обезпечивающія ему видное и почетное мѣсто среди русскихъ изслѣдо-

¹⁾ О. с., стр. 299.

²⁾ Ib., стр. 299.

³⁾ Р. В., 1899 г., № 2, стр. 659 и сл.

⁴⁾ Ib., стр. 668.

Васильев

вателей-историковъ, — богатую эрудицію, тонкое историческое чутье и завидное умѣнье пользоваться тѣмъ обширнымъ матеріаломъ источниковъ, которыми онъ располагаетъ“¹⁾. Характеризуя приемы изслѣдованія, рецензентъ ставитъ въ особую заслугу А. С. Вязигину то, что онъ сумѣлъ уберечь себя отъ моднаго увлеченія скептицизмомъ, здраво пользуясь критикой „не для одного только разрушенія, но, главнымъ образомъ, для воссозданія прошлаго“²⁾. „Благодаря этому отсутствію дешеваго скептицизма въ работѣ г. Вязигина“, пишетъ критикъ, „ему дѣйствительно удалось извлечь цѣнное историческое зерно изъ многихъ свидѣтельствъ источниковъ, которыя до сихъ поръ или вовсе оставались безъ вниманія, или прямо отвергались какъ ложныя; онъ освѣтилъ въ подготовительной эпохѣ реформъ много такихъ сторонъ, которыя до сихъ поръ оставались невыясненными; онъ въ большей степени, чѣмъ предшествующіе изслѣдователи, раскрылъ то вліяніе, которое оказала на развитіе Гильдебранда его историческая среда и цѣлый рядъ его предшественниковъ; онъ извлекъ изъ источниковъ много цѣнныхъ свѣдѣній относительно той ранней поры жизни будущаго Григорія VII, относительно коей многіе современные изслѣдователи считаютъ возможнымъ знать лишь очень немногое“. Послѣ этого кн. Е. Н. Трубецкой указываетъ цѣлый рядъ „особенно удачныхъ“ мѣстъ въ изслѣдованіи нашего ученаго. „Вообще“, заканчиваетъ онъ этотъ отдѣлъ своей рецензіи, „капитальная заслуга г. Вязигина заключается въ выясненіи множества интересныхъ подробностей, касающихся подготовительной эпохи реформъ, которыя не могутъ быть здѣсь всѣ перечислены. Онъ яснѣе и глубже, чѣмъ его предшественники, раскрылъ преемственную связь между эпохой преобразованій и той предшествующей ей стадіей, когда императоръ Генрихъ III, самъ того не вѣдая, подготовилъ грядущее торжество папства“³⁾. Общее заключеніе, къ которому приходитъ авторъ приведенныхъ строкъ, таково: книга А. С. Вязигина „не принадлежитъ къ числу тѣхъ заурядныхъ диссертаций, которыя пишутся только для пріобрѣтенія степени. Съ первыхъ же строкъ этой книги читатель невольно чувствуетъ, что она вышла изъ-подъ пера даровитаго историка, который вжилъ въ изучаемую имъ эпоху. Изложеніе г. Вязигина согрѣто тою теплотою, которая дается только любовью къ дѣлу и искреннимъ увлеченіемъ. Критику остается только пожелать, чтобы авторъ и впредь работалъ съ такою же горячностью и продолжалъ обогащать русскую науку такими же

¹⁾ Русская Мысль, 1899 г., № 2, стр. 121 и сл.

²⁾ Ib., № 2, стр. 122.

³⁾ Ib., стр. 123

цѣнными трудами, какимъ является настоящая его магистерская диссертация¹⁾.

Не отстаетъ отъ А. С. Лебедева и кн. Е. Н. Трубецкаго въ своихъ похвалахъ труду А. С. Вязигина и проф. В. П. Бузескуль. Предполагая помѣстить въ „Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія“ свою рецензію на „Очерки“ А. С. Вязигина, онъ сомнѣвался, будетъ-ли она туда принята въ виду того, что и это сочиненіе было напечатано тамъ-же. И вотъ, съ цѣлью разрѣшить этотъ вопросъ, въ виду болѣзни редактора журнала проф. В. Г. Василевскаго, онъ обратился къ тогдашнему помощнику редактора Э. Л. Радлову. Въ отвѣтъ проф. В. П. Бузескуль получилъ письмо отъ самого В. Г. Василевскаго. Письмо это очень интересно какъ для характеристики А. С. Вязигина, такъ и для того въ высшей степени благожелательнаго отношенія стараго ученаго, которымъ гордится русская наука, къ молодымъ силамъ. „Многуважаемый Владиславъ Петровичъ!“ пишетъ онъ, „Радловъ уже извѣстилъ Васъ о нашемъ согласіи напечатать Вашу рецензію. Обычаи Журнала Мин. Нар. Просвѣщенія не воспрещаютъ принимать рецензію на книгу, которая въ немъ получила начало своего бытія. Съ особеннымъ удовольствіемъ дадимъ поэтому мѣсто разбору Вашего достойнаго и милаго ученика. Я съ своей стороны радуюсь его успѣху на диспутѣ и желаю ему скораго и быстраго движенія впередъ. Мы не встрѣчались съ нимъ лично, но я съ перваго его письма почувствовалъ къ нему симпатію, которая далѣе только укрѣплялась. Такой онъ добросовѣстный, такой скромный, такъ къ себѣ недовѣрчивый, въ такой степени готовый преувеличивать значеніе всякой маленькой оказанной ему услуги. Во многомъ онъ напоминаетъ мнѣ своего учителя. Та же самая исторія: съ Вами я долго былъ знакомъ только заочно и питалъ тѣ же самыя чувства, какъ по отношенію къ Вязигину теперь. Журналъ Мин. Народ. Просв., напечатавшій много лѣтъ тому назадъ, когда я былъ еще помощникомъ редактора, статью о Мстиславѣ Торопецкомъ (если не ошибаюсь)—можетъ гордиться тѣмъ, что былъ Вашею учено-литературною колыбелью; въ немъ Вы росли и выросли. Ему будетъ поставлено въ заслугу, что онъ же,—тотъ самый журналъ—, послужилъ къ тому, чтобы нѣсколько уравнять дорогу, столь у насъ трудную, идущему во слѣдъ учителя молодому ученому“²⁾. Приведенное письмо получаетъ особенную цѣнность въ виду того, что писано В. Г. Василевскимъ уже на одрѣ болѣзни, наканунѣ отправленія его въ Италію, всего за нѣсколько мѣсяцевъ до смерти.

¹⁾ Рус. М., 1899 г., № 2, стр. 128.

²⁾ Письмо отъ 24 декабря 1898 г. (Сообщено проф. В. П. Бузескулемъ).

Однимъ изъ существенныхъ достоинствъ книги А. С. Вязигина В. П. Бузескуль считаетъ широкую постановку вопроса. „Придавая *идеямъ*“ ¹⁾, замѣчаетъ онъ, „первенствующее значеніе въ исторіи „преобразовательнаго движенія“ XI вѣка, авторъ не игнорируетъ *и экономическихъ факторовъ*“ ²⁾. Далѣе, какъ кн. Е. Н. Трубецкой, проф. В. П. Бузескуль въ заслугу нашему автору ставить то, что у него „критика, такъ сказать, *положительная*“ ³⁾. Признаетъ Харьковскій профессоръ также и то, что въ книгѣ А. С. Вязигина читатель „найдетъ немало новаго и оригинальнаго“ ⁴⁾. Вообще „Очерки изъ исторіи папства“, по мнѣнію проф. В. П. Бузескула, являются „выдающеюся книгою“. „Это —“, замѣчаетъ онъ, „не компиляція, а трудъ... *вполнѣ самостоятельный*“ ⁵⁾, основанный на тщательномъ изученіи первоисточниковъ“. „На сколько намъ извѣстно“, добавляетъ В. П. Бузескуль, „въ новѣйшей литературѣ... не было еще такой обстоятельной монографіи о преобразовательной дѣятельности папъ середины XI вѣка и о молодыхъ годахъ Гильдебранда, о воздѣйствовавшихъ на него вліяніяхъ: многія стороны и явленія въ исторіи этой эпохи г. Вязигинъ попытался освѣтить съ небывалою еще полнотою, нерѣдко съ новой точки зрѣнія“. „Но что составляетъ безспорное, неотъемлемое крупное достоинство книги г. Вязигина, это—удивительное знаніе источниковъ и новѣйшей литературы, обнаруживаемое авторомъ и въ ней такъ-же ярко, какъ и въ прежнихъ его трудахъ. Въ области памятниковъ онъ полный хозяинъ. Лѣтописи и хроники, полемическія сочиненія, сборники канонівъ, монашескіе уставы, все это тщательно изучено А. С. Вязигинымъ. Онъ привлекаетъ не разъ свидѣтельства, на которыя раньше или совсѣмъ не обращали вниманія или обращали въ недостаточной мѣрѣ (напримѣръ—монашескіе уставы и каноническіе сборники...). Онъ принимаетъ въ соображеніе даже разночтенія... или разныя редакціи... Онъ относится къ тексту средневѣковыхъ авторовъ такъ, какъ филологи—къ тексту классиковъ... Въ самомъ изложеніи г. Вязигина, въ его языкѣ, обнаруживается прекрасное знаніе источниковъ: онъ говоритъ, такъ сказать, ихъ языкомъ, употребляя, какъ бы мимоходомъ, эпитеты и характерныя выраженія, прямо взятые изъ памятниковъ. Не менѣе хорошо знакомъ г. Вязигинъ и съ новою литературой, не только съ важнѣйшими трудами по исторіи изучаемой имъ эпохи,

¹⁾ Курсивъ подлинника.

²⁾ Ж. М. Н. Пр., 1899 г., № 3, стр. 164. Курсивъ подлинника.

³⁾ *Ib.*, стр. 166. Курсивъ подлинника.

⁴⁾ *Ib.*, стр. 168.

⁵⁾ Курсивъ подлинника.

но и съ многочисленными спеціальными монографіями и диссертаціями, часто по своему содержанію имѣющими лишь самое отдаленное отношеніе къ его главной темѣ, даже съ тѣми, которые вышли въ самое послѣднее время, такъ сказать, въ моментъ печатанія его „Очерковъ“... Все это тѣмъ болѣе заслуживаетъ быть отмѣченнымъ, что А. С. Вязигинъ работалъ въ провинціальномъ городѣ, съ небогатой научными пособиями бібліотекой“.

Наконецъ, съ полнымъ одобреніемъ относится рецензентъ и къ внѣшней сторонѣ изложенія автора. Оно—„вполнѣ литературное, живое и легкое, мѣстами даже воодушевленное и образное“¹⁾.

Одинаково высокаго мнѣнія о трудѣ А. С. Вязигина держится и Гавриловичъ въ извѣстномъ французскомъ журналѣ „Le Moyen âge“. „Неоспоримо“, заканчиваетъ онъ свой отзывъ, „что основательное и обширное ученое изслѣдованіе А. С. Вязигина составляетъ очень крупный вкладъ въ исторію папства въ XI вѣкѣ“²⁾.

Къ циклу Гильдебранда-Григорія VII, если можно такъ выразиться, относятся еще два очерка, вышедшіе изъ-подъ пера А. С. Вязигина: „Петръ Даміани, борецъ за церковно-общественныя преобразованія XI вѣка“ и „Распаденіе преобразовательной партіи при папѣ Александрѣ II“³⁾. Та и другая работа блещетъ обычными для А. С. Вязигина достоинствами. По крайней мѣрѣ извѣстный нѣмецкій ученый проф. Лаухеръ въ своемъ отзывѣ объ нихъ, помѣщенномъ въ „Revue Internationale de Théologie“, замѣчаетъ между прочимъ слѣдующее: „авторъ не только въ совершенствѣ знакомъ съ источниками, но отъ него не ускользнуло также ничего заслуживающаго вниманіе въ новой и новѣйшей литературѣ, имѣющаго какое-нибудь отношеніе къ вопросу, появилось ли это въ видѣ отдѣльныхъ сочиненій, или въ видѣ статей въ историческихъ или богословскихъ журналахъ, въ особенности, нѣмецкихъ“⁴⁾.

Параллельно съ личностью Гильдебранда Григорія VII А. С. Вязигинъ проявляетъ глубокий интересъ и къ исторіи идеи Царства Божія на землѣ. Въ сущности тутъ нѣтъ никакого раздвоенія, такъ какъ Григорій VII только произвелъ широкой опытъ осуществленія на практикѣ этой идеи, сыгравшей крупнѣйшую роль въ политической и общественной жизни Среднихъ вѣковъ на Западѣ Европы.

¹⁾ Ж. М. Н. Пр., 1899 г., № 8, стр. 188 и сл.

²⁾ Le M. a., 1900 г., 2-ая серія, т. IV (сент.—окт.), стр. 545.

³⁾ Оба эти очерка помѣщены въ Запискахъ Императорскаго Харьковскаго Университета за 1895 г., № 4 и за 1897 г. № 1.

⁴⁾ R. I., 1897 г., стр. 452.

Идея Царства Божія на землѣ не была порожденіемъ этой эпохи; она воспринята была ею какъ наслѣдіе древняго міра. Творцомъ ея былъ блаженный Августинъ, изложившій ее въ извѣстномъ сочиненіи „De civitate Dei.“ Идеаломъ этого учителя Церкви было такое устройство вселенной, при которомъ сплоченное во-едино челоувѣчество составляло бы нераздѣльное стадо Христово, управляемое единымъ пастыремъ. По мнѣнію блаженнаго Августина, Царство Божіе на землѣ не представляетъ собою идеала, уже осуществленнаго, но является цѣлью, къ достиженію которой должно стремиться челоувѣчество въ своемъ историческомъ развитіи. И вотъ различные средневѣковые реформаторы, воспринявшіе идеи блаженнаго Августина, пытаются провести ихъ въ жизнь. Но такъ какъ идеаль одно, а средневѣковая дѣйствительность совершенно другое, то между ними образуется глубокой разладъ; возникаетъ борьба между этими двумя противоположными началами, которая ведетъ за собою рядъ компромиссовъ.

Исторіи попытокъ осуществить на практикѣ идеи блаженнаго Августина въ Средніе вѣка посвященъ А. С. Вязигинымъ рядъ статей, помѣщенныхъ въ Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія. Это—„Признаки „Царства Божьяго““ по твореніямъ бл. Августина, Льва Великаго и папы Григорія Двоеслова¹⁾, „Преобразование франкской церкви и союзъ папства съ франками“²⁾, „Теократическіе идеалы Карла Великаго и мѣры для ихъ осуществленія“³⁾ и „Слабыя стороны идеи „имперіи““ Карла Великаго“⁴⁾.

*1) Историческое ко-
нститутивное начало
монархическаго Карла
Великаго и современ-
наго общества
и общества*

Статьи эти въ сущности по замыслу представляютъ нѣчто цѣлое и, предположительно, могли бы составить докторскую диссертацію. Но избраніе автора ихъ въ члены Государственной Думы третьей созыва, если и существовало такое намѣреніе, воспрепятствовало его осуществленію. Впрочемъ, нѣсколько лѣтъ спустя, по возвращенію А. С. Вязигина къ профессорской дѣятельности, указанные статьи были сведены въ сочиненіе, озаглавленное „Идеалы Божьяго царства и монархія Карла Великаго“.

Книга эта, какъ и все, впрочемъ, что выходитъ изъ-подъ пера А. С. Вязигина, проникнутая глубокой мыслью и написанная съ рѣдкимъ мастерствомъ и знаніемъ источниковъ, изображаетъ попытку Карла Великаго примѣнить идею Царства Божія къ устройству своей монархіи. О научной цѣнности этой книги мы отчасти можемъ судить по сжатому отзыву объ ней серьезнаго критика

¹⁾ Ж. М. Н. Пр. 1901 г., № 2.

²⁾ Ib., 1901 г., № 10.

³⁾ Ib., 1901 г., № 11.

⁴⁾ Ib., 1903 г., № 12.

5) Уб. 1905, № 11.

„Русской Мысли“. Отмѣтивъ, что работа, о которой идетъ рѣчь, принадлежитъ автору, „уже стяжавшему себѣ извѣстность, какъ видный спеціалистъ по церковно-идеологическимъ построениямъ средневѣковья“, онъ замѣчаетъ, что „программный „августинизмъ“ Карла В., подвергающійся нынѣ сильному (и, думается, неосновательному) сомнѣнію на Западѣ, рассмотрѣнъ“ здѣсь „съ чрезвычайной обстоятельностью; указаны также основанія неминущей неудачи въ виду низкаго культурнаго уровня всего общества и рѣзко-насилованнаго характера правительственныхъ мѣропріятій“¹⁾. А затѣмъ многократныя ссылки на статьи, изъ которыхъ составлена была книга „Идеалы Божьяго царства и монархія Карла Великаго“, такого крупнаго въ Россіи знатока Среднихъ вѣковъ, какъ г. Егоровъ, въ его спеціальномъ изслѣдованіи, озаглавленномъ „Этюды о Карлѣ Великомъ“ свидѣлствуютъ о томъ, что она имѣетъ большое значеніе и съ научной стороны²⁾. Тотъ же ученый авторъ въ двухъ мѣстахъ названной работы отзывается съ похвалой объ „исчерпывающей полнотѣ“ собраннаго А. С. Вязигинымъ матеріала въ сочиненіи, о которомъ идетъ рѣчь³⁾, въ другомъ мѣстѣ жалѣетъ, что не могъ воспользоваться его выводами⁴⁾, въ третьемъ—указываетъ на „энергичный отпоръ“, встрѣченный „традиціоннымъ представленіемъ“ со стороны его⁵⁾, въ четвертомъ отмѣчаетъ „замѣчательно точный переводъ“ спорнаго мѣста въ одномъ средневѣковомъ памятникѣ⁶⁾.

Завершеніе средневѣковаго идеала мы находимъ у Тома Аквината, а потому вполне естественно, что А. С. Вязигинъ посвятилъ и ему свою статью, озаглавленную, „Экономическія воззрѣнія Тома Аквинскаго (разборъ книги Мауренбрехера Thomas von Aquino's Stellung zum Wirtschaftsleben seiner Zeit)“⁷⁾. Къ этому же циклу относится и другая рецензія А. С. Вязигина, написанная на докторскую диссертацию барона Таубе: „Принципы мира и права въ международныхъ столкновеніяхъ среднихъ вѣковъ“ и озаглавленная: „Международное право въ средніе вѣка“⁸⁾. Въ этой замѣчательной рецензії авторъ не только безспорно обнаружилъ множество крупныхъ промаховъ, какихъ надѣлалъ

¹⁾ Р. М., 1913 г., № 6, стр. 239.

²⁾ Ж. М. Н. Пр., 1903 г., № 5, стр. 71.

³⁾ Ib., стр. 64, 91.

⁴⁾ Ib., стр. 82.

⁵⁾ Ib., № 7, стр. 71.

⁶⁾ Ib., стр. 92.

⁷⁾ Жизнь 1899 г., № 9.

⁸⁾ Ж. М. Н. Пр., 1900 г., № 6 стр. 363 и сл.

баронъ Таубе оттого, что, не провѣривъ своихъ положеній по первоисточникамъ, понадѣялся на авторитетъ нѣмецкихъ ученыхъ, но и доказалъ, вопреки общераспространенному въ юридической литературѣ мнѣнію, что между взглядами на международное право и войну, господствовавшими въ древнемъ мірѣ и въ Средніе вѣка, существуетъ несомнѣнная связь и преемство.

Сюда-же принадлежитъ рецензія на „Хрестоматію по всеобщей исторіи“ проф. П. Н. Ардашева¹⁾, популярный рассказъ изъ исторіи Рима въ XI вѣкѣ „Кровавый сочельникъ“ и двѣ очень содержательныя работы нашего ученаго: изъ нихъ одна, озаглавленная „Папа Григорій Великій, какъ церковно-общественный дѣятель“, и другая озаглавленная: „Возникновеніе городскихъ общинъ на Западѣ въ средніе вѣка“²⁾, въ которой разбираются относящіяся сюда теоріи. Но въ сущности даже объ эти работы являются мелкими по сравненію съ обработкой второго тома: „Лекцій по всемірной исторіи“ покойнаго харьковскаго профессора Петрова, посвященнаго исторіи Среднихъ вѣковъ.

Вообще обработка чужого труда является дѣломъ неблагодарнымъ и невиднымъ и требуетъ извѣстнаго самопожертвованія отъ того, кто за него берется. И эту жертву А. С. Вязигинъ принесъ и, не смотря на исключительно неблагоприятныя обстоятельства, о которыхъ говоритъ въ „Предисловіи“ ко второй части этой работы³⁾, справился со своей задачей блистательно. И въ самомъ дѣлѣ, при всѣхъ достоинствахъ „Лекцій“ Петрова Н. П. Покатило въ своемъ „Практическомъ руководствѣ для начинающаго преподавателя исторіи“ (2-ое изд.) совѣтуетъ запастись *непретѣнно*⁴⁾ новымъ изданіемъ „ихъ“ въ обработкѣ проф. Вязигина⁴⁾.

А проф. Егоровъ въ своей рецензии на третье изданіе ихъ объясняетъ, почему надо такъ поступить. „Новое изданіе“, замѣчаетъ онъ, „значительно полнѣе предыдущаго“, впрочемъ также обработаннаго А. С. Вязигинымъ, „есть очень большія вставки, напр, удачный исторіографическій очеркъ, занимающій стр 19—32; вновь освѣжены библіографическія указанія, данныя въ общемъ, въ очень строгомъ подборѣ... Сообразно съ новыми изслѣдованіями заново освѣщены и наиболѣе крупныя явленія... Книга, несомнѣнно, много выиграла въ научности“⁵⁾. Мудренаго мало

¹⁾ „Мирный Трудъ“, 1914 г. № 10, стр. 206 и сл.

²⁾ *Иб.*, 1909 г., № 12, стр. 217 и сл.; 1908 г., № 11, стр. 63 и сл.; 1909 г., № 2, стр. 83 и сл.

³⁾ *О. с.*, стр. III.

⁴⁾ *Иб.*, стр. 317. *Курскъ надписки*

⁵⁾ Историческія извѣстія, 1916 г. № 2, стр. 176, № 1040.

послѣ этого, что „Лекціи“ Петрова въ обработкѣ А. С. Вязигина вошли во всеобщее употребленіе въ качествѣ руководствъ для самообразованія и учебнаго пособия во многихъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ.

Въ настоящее время А. С. Вязигинъ занятъ составленіемъ хрестоматіи по исторіи Среднихъ вѣковъ, задуманной имъ въ семи выпускахъ подъ заглавіемъ: *Documenta historiam Medii aevi illustrantia* (Пособіе къ лекціямъ и практическимъ занятіямъ). „Нечего, конечно, объяснять“, пишетъ по поводу перваго выпуска этого изданія Д. Н. Егоровъ, „насколько желательна и необходимо подобное изданіе, при томъ не только теперь, когда мы отрѣзаны отъ зарубежныхъ поставщиковъ, изобильно снабжавшихъ насъ доселѣ нужнымъ *nutrimentum spiritus*. Думается, начинаніе это имѣетъ не временное только, но и крупное принципиальное значеніе: наше потребленіе настолько выросло и окрѣпло, наши собственные вкусы и требованія настолько опредѣлились, что давно пора было подумать объ ихъ удовлетвореніи у насъ же, изъ первыхъ рукъ, безъ передаточныхъ, нерѣдко поработающихъ инстанцій“¹⁾. Отозвавшись такъ сочувственно о самомъ замыслѣ, московскій ученый не менѣе горячо привѣтствуетъ и исполненіе, на сколько позволяетъ объ немъ судить появившійся пока только третій выпускъ изданія. „Всякое учебное пособіе“, пишетъ г. Егоровъ, „должно, прежде всего, обладать извѣстными внѣшними качествами. Въ этомъ смыслѣ *Documenta* являются едва-ли не лучшимъ, что у насъ пока издавалось: прекрасная, а по нынѣшнему даже недостижимо роскошная, бумага, великолѣпный, совершенно необычный для русскихъ изданій, оригинальнаго типа компактный и въ то же время четкій и красивый шрифтъ, удобный форматъ, чистота отпечатанія, незначительность погрѣшностей—все это оставляетъ наилучшее впечатлѣніе и заслуживаетъ всяческаго подражанія“²⁾. „Очень высоко нужно оцѣнить и внутреннія качества изданія“, продолжаетъ названный ученый³⁾.

Въ изслѣдованіяхъ А. С. Вязигина Средніе вѣка не являются чѣмъ то чуждымъ современному человѣчеству, мертвымъ. Нашъ талантливый ученый нащупываетъ въ нихъ біеніе жизни. Для него какая-нибудь запыленная, изъѣденная червями средневѣковая грамота говоритъ понятнымъ ему языкомъ, блещетъ яркими красками. Но, съ другой стороны, онъ и въ современномъ намъ

¹⁾ Историческія извѣстія, 1916 г. № 2, стр. 121 и сл.

²⁾ *Ib.*, стр. 123.

³⁾ *Ib.*, стр. 123.

быту умѣть подсмотрѣть явленія, родственныя Средневѣковью. Въ этомъ отношеніи очень интересной является его статья, озаглавленная „Возрожденіе средневѣкового настроенія“ ¹⁾.

Въ этой статьѣ А. С. Вязигинъ возвращеніе въ наши дни къ средневѣковому міровоззрѣнію подмѣчаетъ въ философіи. Еще больше точекъ соприкосновенія открываетъ онъ въ области художественнаго творчества. Но наиболѣе жизненной стороной въ „возрожденіи средневѣкового настроенія“ съ точки зрѣнія нашего ученаго является „возвратъ къ вѣрѣ, признаніе за нею ея правъ и необходимости для разума міропониманія“. „Безъ вѣры“, заканчиваетъ онъ, „жизнь пустыня, наполненная ужасами, возбуждающая отчаяніе; только вѣра даетъ силу жить, зарождаетъ упованіе на милость Творца, не оставляя человѣка безпомощнымъ и одинокимъ. Отнынѣ насмѣшки и издѣвательство надъ вѣрой перестали находить когда-то модное сочувствіе: можно надѣяться, что и уродливыя и крайнія проявленія новаго движенія съ теченіемъ времени отпадутъ, останутся лишь наиболѣе здоровыя зародыши. Возвратъ къ вѣрѣ поведетъ къ возвращенію блудныхъ сыновъ въ лоно любящей матери, св. Церкви, подъ руководствомъ которой единственно можетъ произойти полное обновленіе общества; иначе теченіе останется раздробленнымъ на мелкіе ручейки, вызоветъ частичныя, мѣстныя улучшенія, но не превратится въ мощный потокъ, разносящій во всѣ концы міра глубокую преданность завѣтамъ Спасителя и полную готовность осуществить свои вѣрованія на дѣлѣ“.

Изъ статей, вышедшихъ изъ-подъ пера А. С. Вязигина и не имѣющихъ отношенія къ Среднимъ вѣкамъ, надлежитъ отмѣтить двѣ весьма цѣнныя рецензіи: одну на докторскую диссертацию покойнаго профессора И. М. Собѣстіанскаго: „Ученія о національных особенностяхъ характера и юридическаго быта древнихъ славянъ“ ²⁾ и другую на сочиненіе И. С. Листовскаго: „Историческіе итоги“ ³⁾, а также обстоятельный разборъ „Программы чтенія для самообразования“, составленныхъ подъ редакціей проф. Н. И. Карѣева ⁴⁾. Затѣмъ А. С. Вязигинъ написалъ проникнутыя теплымъ чувствомъ и красочныя „Воспоминанія о В. К. Надлерѣ“ ⁵⁾ и очень интересный біографическій очеркъ извѣстнаго историка про-

¹⁾ „Русская бестѣда“, 1899 г., № 11.

²⁾ Славянское обозрѣніе 1892 г. т. II.

³⁾ Ib. 1892 г. т. III.

⁴⁾ Русская бестѣда, 1895 г.

⁵⁾ „Харьк. Губ. Вѣд.“ за 1894 г., № 86.

125

фессора Университета св. Владимира Θ. Я Фортинского ¹⁾, а также въ біографическомъ словарѣ Историко-Филологическаго факультета Харьковскаго университета за первыя 100 лѣтъ его существованія рядъ біографій профессоровъ, занимавшихъ въ немъ каѳедру всеобщей исторіи: Рейниша, Филомафитскаго, Цыха, Сливицкаго, Ливскаго, Надлера, не считая собственной автобіографіи, и кромѣ того біографіи профессоровъ Харьковскаго университета: И. В. Нетушила, С. В. Соловьева, П. Н. Буцинскаго и лектора нѣмецкаго языка въ томъ же университетѣ Г. Ю. Ирмера подъ заглавіемъ „Праздникъ мирнаго труженика“. Затѣмъ послѣ смерти близкаго своего друга проф. С. В. Соловьева А. С. Вязигинъ написалъ прочувствованную статью: „Памяти С. В. Соловьева“ ²⁾.

Кромѣ того, А. С. Вязигинъ составилъ Предисловіе къ изданному имъ вмѣстѣ съ А. Д. Маляренко переводу съ нѣмецкаго языка: „Очерка государственныхъ и правовыхъ государственныхъ греческихъ древностей“ Бузольта.

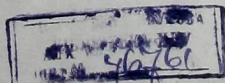
Заканчивая обзоръ учено-педагогической дѣятельности А. С. Вязигина, нельзя не отмѣтить, что онъ неоднократно выступалъ съ докладами въ Историко-Филологическомъ обществѣ, состоящемъ при Харьковскомъ университетѣ. По всеобщей исторіи имъ было прочитано четыре доклада: „О книгѣ барона Таубе „Принципы мира и права въ международныхъ столкновеньяхъ среднихъ вѣковъ“, „Къ исторіи развитія средневѣкового аскетизма“, „О трудахъ Зибеля по средневѣковой исторіи“, „О распаденіи преобразовательной партіи при папѣ Александрѣ II“. Изъ этихъ четырехъ докладовъ первый и послѣдній были напечатаны въ видѣ статей. По русской исторіи А. С. Вязигинъ прочиталъ всего лишь одинъ докладъ: „Объ убіеніи царевича Димитрія“. Авторъ этого замѣчательнаго доклада, руководствуясь чисто теоретическими соображеніями, между прочимъ, пришелъ къ тому заключенію, что дѣло о кончинѣ царевича Димитрія, „котораго онъ не видалъ въ подлинникѣ, не дошло до насъ въ полномъ объемѣ да и напечатано неправильно склееннымъ“ ³⁾. Въ настоящее время то и другое предположеніе докладчика блистательно подтвердилось путемъ точнаго палеографическаго изслѣдованія документовъ ⁴⁾.

¹⁾ „Мирный Трудъ“ 1902 г. № 5.

²⁾ „Мирный Трудъ“, 1905 г., № 5; 1912 г., № 2; 1913 г., № 5.

³⁾ „Историческое обозрѣніе“ 1891 г., № 3, стр. 245.

⁴⁾ См. Клейнъ, „Угличское слѣдственное дѣло о смерти царевича Димитрія“, ч. I, стр. 12—15.



Кромѣ того А. С. Вязигинъ состоялъ членомъ Харьковской комиссіи Народныхъ чтеній, принималъ дѣятельное участіе въ ея работахъ, выступая здѣсь въ качествѣ лектора, и даже составилъ краткій очеркъ ея дѣятельности за первое десятилѣтіе ея существованія.

Выгодной стороною ученыхъ трудовъ А. С. Вязигина является ихъ доступность для лицъ, даже не получившихъ спеціальной подготовки. И дѣйствительно, авторъ говоритъ общепонятнымъ языкомъ, прибѣгая къ техническимъ терминамъ только при крайней необходимости да и то тутъ-же объясняя значеніе ихъ. Изложеніе его ясное, легкое, оживляемое зачастую красочными подробностями, необыкновенно удачно характеризующими либо эпоху, либо выводимыхъ въ разсказѣ дѣйствующихъ лицъ. Вслѣдствіе этого произведенія нашего ученаго приобрѣли себѣ извѣстный кругъ читателей и среди широкой публики.

А. С. Вязигинъ представляетъ собою на столько крупную преподавательскую и ученую силу, что въ средѣ Историко-Филологическаго факультета зародилась и со всѣхъ сторонъ нашла себѣ горячую поддержку мысль какимъ-нибудь способомъ отмѣтить двадцатипятилѣтіе дѣятельности профессора, исполнившееся 1-го января 1917 года. По обстоятельствамъ переживаемого нами времени кровавой борьбы за родину съ общаго согласія рѣшено было придать торжеству самый скромный чисто семейный факультетскій характеръ. И вотъ въ ближайшемъ послѣ Рождественскихъ каникулъ засѣданіи факультета, состоявшемся 26 января текущаго года, маститый деканъ факультета Н. Θ. Сумцовъ, въ присутствіи профессоровъ, приватъ-доцентовъ и преподавателей, обратился къ А. С. Вязигину отъ имени всего факультета со слѣдующимъ адресомъ:

„Глубокоуважаемый

Андрей Сергѣевичъ!“

„Сегодня, предъ первымъ очереднымъ засѣданіемъ нашего факультета въ наступившемъ году, мы привѣтствуемъ Васъ по поводу исполнившагося 1 января двадцатипятилѣтія Вашей ученой и преподавательской дѣятельности“.

„Мы высоко цѣнимъ Васъ, какъ ученаго. Ваши труды давно уже обратили на себя вниманіе не только русской, но и иностранной критики. Съ ними считаются спеціалисты на Западѣ; они доставили Вамъ вполне заслуженную репутацію знатока средневѣковья, преимущественно эпохи борьбы папства и имперіи, изученію которой Вы съ такою любовью и пыломъ предались еще на студенческой скамьѣ. И эта любовь, это увлеченіе изучаемымъ

предметомъ характеризуетъ всѣ Ваши труды. Мы цѣнимъ въ нихъ основательное, превосходное знаніе источниковъ, тщательное знакомство съ литературой предмета, тонкій критическій анализъ, самостоятельность, живое, увлекательное изложеніе, мѣткую характеристику историческихъ лицъ. Ваша критика не переходила въ гиперкритику. Вы прямо заявляли, что критикой слѣдуетъ пользоваться не только для разрушенія, но, и главнымъ образомъ, для созиданія, для воспроизведенія прошлаго; Вы ставили ей положительную задачу. Интересуясь преимущественно идейной стороной этого прошлаго, Вы освѣтили многое въ подготовкѣ реформъ Григорія VII; по признанію критики, яснѣе и глубже своихъ предшественниковъ раскрыли преемственную связь между эпохой преобразованій папства и предыдущими періодами“.

„Мы высоко цѣнимъ Васъ, какъ прекраснаго университетскаго преподавателя, въ особенности какъ руководителя при практическихъ занятіяхъ, стремящагося приучить своихъ учениковъ работать по источникамъ, научить ихъ строгимъ методологическимъ приемамъ“.

„Мы цѣнимъ въ Васъ ту—подчасъ смѣлую—откровенность и прямоту, съ которой Вы высказываете свои мнѣнія при обсужденіи различныхъ вопросовъ въ факультетѣ, и мы искренно желаемъ, чтобы Вы, глубокоуважаемый Андрей Сергѣевичъ, еще долго оставались въ нашей средѣ, чтобы Ваша ученая и преподавательская дѣятельность, которую мы такъ цѣнимъ, продолжалась еще многіе годы“.

Передавая юбиляру адресъ, Н. Θ. Сумцовъ отъ себя лично произнесъ привѣтствіе виновнику торжества въ такихъ приблизительно выраженіяхъ.

„Я помню Андрея Сергѣевича еще студентомъ. Въ послѣдующіе годы меня особенно поражало въ немъ на засѣданіяхъ Историко-филологическаго общества и диспутахъ его неизмѣнное доброжелательство къ молодымъ начинающимъ ученымъ. Правда, критика его была строга, но въ концѣ концовъ милостива. Казалось бы, стоило Андрею Сергѣевичу понажать и отъ доклада или диссертации ничего бы не осталось и, тѣмъ не менѣе, все обходилось благополучно. Въ этомъ я вижу вѣрный взглядъ на положеніе научнаго дѣла у насъ въ Россіи. Наша страна не такъ богата учеными, чтобы ихъ нужно было давить. Въ этомъ сказалось не только доброе сердце Андрея Сергѣевича, но и его вѣрность завѣтамъ роднаго факультета“.

Въ отвѣтъ на адресъ и обращеніе Н. Θ. Сумцова юбиляръ отвѣтилъ краткою благодарственной рѣчью: „Если изъ меня, что-

нибудь вышло, то этимъ я обязанъ факультету. У меня были превосходные руководители, изъ числа коихъ въ особенности съ радостью я вижу среди присутствующихъ своего учителя В. П. Бузескула. Нашъ факультетъ, это своего рода *respublica doctorum* и въ ней первымъ среди равныхъ является Н. Θ. Сумцовъ. Эта *respublica* отличается необыкновеннымъ благожелательствомъ къ ученымъ, и быть въ средѣ такого факультета доставляетъ истинное счастье. Въ самомъ дѣлѣ, нужны ли были мнѣ книги, нужна ли была командировка, факультетъ выписывалъ книги, устраивалъ командировку. Вотъ и теперь факультету я обязанъ тѣмъ, что могу издавать свои *Documenta*. Позвольте же мнѣ принести вамъ искреннюю благодарность за неизмѣнно оказывавшуюся мнѣ поддержку. Моею мечтою служить заплатить мой долгъ факультету".

Вслѣдъ за этимъ выступилъ съ глубоко прочувствованной рѣчью В. П. Бузескулъ:

"Господа!", сказалъ онъ, „я думаю, Вы простите меня, если я займу Ваше вниманіе на нѣсколько минутъ своими воспоминаніями изъ прошлаго. Мой возрастъ такой, когда любятъ вспоминать прошлое. А кромѣ того, я историкъ и потому уже интересуюсь прошлымъ. И я тѣмъ болѣе не могу не сказать сегодня нѣсколько словъ объ Андреѣ Сергѣевичѣ, что А. С.—мой ученикъ и ученикъ *вдвойнѣ*—и по гимназіи, и по университету“.

„Вспоминается мнѣ начало осени 1885 года. То было первое время моей привать-доцентуры въ университетѣ и тогда же я, по просьбѣ М. Θ. Шаталова, преподавателя исторіи въ 3-ей Харьковской гимназіи, временно—на одно полугодіе—замѣнилъ его, т. е. онъ болѣлъ. Я собрался идти на урокъ въ 8-ой классъ, и инспекторъ гимназіи Мих. Вас. Алексѣевъ говоритъ мнѣ: „У насъ въ 8-мъ классѣ есть выдающіеся ученики. Особенно увлекается исторіей Вязигинъ“.

„И дѣйствительно, преподавая, я убѣдился, что это такъ; уже тогда я обратилъ вниманіе на А. С. Вязигина. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ я увидѣлъ его уже въ университетѣ, въ аудиторіи, въ числѣ моихъ слушателей. То былъ первый годъ, когда я читалъ курсъ греческой исторіи. А. С. болѣе всего увлекался средними вѣками, *Monumenta Germaniae*, и я помню, съ какимъ восторгомъ говорилъ мнѣ проф. В. К. Надлеръ, читавшій тогда въ нашемъ университетѣ среднюю исторію, о занятіяхъ студента Вязигина, о его способностяхъ, о его увлеченіи эпохой борьбы папъ и императоровъ. Но А. С. не замыкался въ узкую спеціальность: онъ занимался и другими отдѣлами исторіи; онъ принималъ дѣятельное участіе и въ практическихъ занятіяхъ по греческой исторіи; подѣ

моимъ руководствомъ читались греческія надписи, и я съ несказаннымъ наслажденіемъ вспоминаю объ этихъ занятіяхъ, объ участи въ нихъ студента Вязигина: никогда эти занятія не шли такъ хорошо, какъ тогда! Вспоминается мнѣ май 1891 г. Въ засѣданіи Историко-филологическаго общества я читаю докладъ о Ѳемистоклѣ и участіи въ реформѣ ареопага (по поводу только что открытой „Аѳинской Политіи“ Аристотеля), а послѣ меня *студентъ* Вязигинъ читаетъ докладъ: „Слѣдственное дѣло объ убіеніи царевича Дмитрія“, и въ немъ онъ высказываетъ такія наблюденія, такія соображенія, самостоятельныя и оригинальныя, которыя, насколько мнѣ извѣстно, потомъ подтвердились послѣдующими изслѣдованіями этого дѣла со стороны специалистовъ“.

„Но вотъ А. С. кончаетъ курсъ. Главнаго его руководителя, проф. В. К. Надлера, тогда уже не было въ Харьковѣ: онъ перешелъ въ Одессу, и на мою долю выпало возбудить ходатайство объ оставленіи А. С. стипендіатомъ при университетѣ для приготовленія къ профессорскому званію и руководить его подготовкой. Тутъ я еще болѣе убѣдился въ его страстномъ увлеченіи излюбленнымъ предметомъ. Съ какимъ удовольствіемъ вспоминаю о долгихъ вечерахъ, которые мы проводили съ нимъ у меня въ квартирѣ, на Большой Панасовкѣ, въ бесѣдахъ по интересовавшимъ его вопросамъ! Нечего и говорить, что А. С. выдержалъ магистерскій экзамень и вступилъ въ среду нашего факультета, какъ преподаватель“.

„Глубокоуважаемый А. С.! Слова адреса о томъ, что факультетъ высоко цѣнитъ Васъ, какъ ученаго и профессора, не есть обычная юбилейная фраза. Факультетъ это доказалъ на дѣлѣ и не разъ“.

„Онъ старался удержать Васъ у насъ, когда Васъ приглашали въ Кіевъ на кафедру, освободившуюся по смерти проф. Фортинскаго, а раньше—въ Юрьевъ. Мнѣ особенно памятенъ этотъ моментъ. У насъ въ университетѣ была тогда политика экономіи, стремленіе сохранить побольше остатковъ отъ суммъ на содержаніе личнаго состава. Промощи задерживались. Вы, уже магистръ, оставались въ положеніи прив.-доцента съ вознагражденіемъ въ 1200 руб. Юрьевъ предлагалъ Вамъ гораздо лучшія условія. Факультетъ рѣшилъ употребить всѣ старанія, чтобы Васъ удержать въ Харьковѣ. Я испросилъ у тогдашняго ректора (Лагермарка) аудіенцію у него на квартирѣ для переговоровъ. Какъ сейчасъ помню тотъ зимній вечеръ въ началѣ января 1900 г., когда я и проф. Г. Ѳ. Шульцъ (Вы знаете, какъ онъ относился къ Вамъ), въ стужу и мятель, пришли къ ректору и убѣждали его, что хорошіе профессора для университета, по меньшей мѣрѣ, такъ же необходимы, какъ и слу-

жителя, отопленіе зданій, покраска и штукатурка. Послѣ преній въ теченіе часа ректоръ сдался, и Вы остались въ Харьковѣ".

„И если въ адресѣ мы говоримъ Вамъ, что цѣнимъ Вашу самостоятельность, то это тоже не фраза. Въ ту пору, когда въ изучаемой Вами области въ западной наукѣ возобладалъ скептицизмъ и гиперкритика, Вы выступили съ тезисомъ, что конечной цѣлью критики должно быть не разрушеніе, а возсозданіе прошлаго. Когда современное Вамъ поколѣніе, въ молодые свои годы, чуть не поголовно увлекалось экономическимъ матеріализмомъ, Вы, А. С., интересовались преимущественно идейной стороной историческаго прошлаго и выступили особенно ясно и опредѣленно въ своемъ трудѣ объ идеѣ Царства Божьяго и монархіи Карла V. противъ односторонняго и узкаго воззрѣнія, сводящаго все въ исторіи къ экономическому фактору“.

„Я счастливъ, что мнѣ довелось дожить до 25-лѣтняго юбилея моего ученика, что я могу сегодня, наряду съ другими членами факультета, его привѣтствовать. И я привѣтствую Васъ, дорогой Андрей Сергѣевичъ, отъ всего сердца“!

Послѣ этого директоръ Высшихъ женскихъ курсовъ при Обществѣ трудящихся женщинъ С. М. Кульбакинъ принесъ поздравленіе юбиляру отъ членовъ факультета курсовъ и засвидѣтельствовалъ сердечную любовь и уваженіе, какими онъ пользуется и здѣсь со стороны товарищей.

Такою же искренностью и сердечностью проникнуто было чествованіе А. С. Вязигина, которое состоялось на слѣдующій день уже въ студенческой средѣ. При своемъ появленіи на лекцію онъ былъ встрѣченъ громкими рукоплесканіями своей аудиторіи. Одинъ изъ студентовъ отъ имени слушателей-студентовъ всѣхъ курсовъ историко-филологическаго факультета произнесъ слѣдующую привѣтственную рѣчь юбиляру:

„Глубокоуважаемый Андрей Сергѣевичъ!

Въ текущемъ январѣ исполнилось 25-лѣтіе Вашей ученой и преподавательской дѣятельности. Мы, слушатели Ваши, просимъ принять и наше поздравленіе и горячія пожеланія продолженія на многіе еще годы дѣятельности Вашей.

Мы высоко цѣнимъ Ваши ученые труды, и въ этомъ отношеніи мы единодушны съ ученымъ міромъ и читающимъ обществомъ, но сейчасъ мы хотимъ отмѣтить другую сторону дѣятельности Вашей, благодаря которой Вы особенно близки намъ, Вашимъ слушателямъ,—мы имѣемъ въ виду Ваше университетское преподаваніе. Въ теченіе этихъ 25 лѣтъ—съ небольшимъ перерывъ—

вомъ — Вы отдавали силы, наряду съ учеными трудами, чтенію лекцій въ родномъ университетѣ, сосредоточившись въ послѣдніе годы на курсѣ исторіи среднихъ вѣковъ и веденіи практическихъ занятій по ознакомленію съ памятниками. Достоинства Ваши, какъ лектора и преподавателя, широко извѣстны. Горячо увлекаться Вашимъ курсомъ стало какъ-бы традиціей нашего студенчества. Мы вполне сознаемъ и умѣемъ цѣнить огромное значеніе Вашихъ чтеній для нашего развитія, для историческаго образованія, для расширенія нашего умственнаго кругозора. Та проникновенность, ясность и широта мысли, съ коими подходите Вы въ своихъ научныхъ работахъ къ разъясненію сложныхъ вопросовъ жизни и идеологии средневѣковаго общества, такъ-же отчетливы и въ Вашемъ устномъ изложеніи. Мастерское, увлекательное, подчасъ драматическое изображеніе идейной жизни людей далекой поры насъ глубоко волнуетъ, они становятся понятны, порою близки намъ; становится ясенъ уровень религіозныхъ и нравственныхъ идей данной эпохи, а отсюда ясны и причины великихъ движеній, сотрясавшихъ средневѣковое общество.

Глубокое изученіе источниковъ, всесторонній, проникновенный ихъ анализъ вдохновляютъ Васъ къ творческой, созидательной работѣ — къ созданію характеристикъ литературныхъ и общественныхъ дѣятелей прошлаго; нѣкоторымъ отводится видное мѣсто въ Вашемъ изложеніи, другія состоятъ изъ нѣсколькихъ словъ, но всегда эти характеристики выразительны, художественны, дышатъ глубокой внутренней правдой, порою проникнуты юморомъ, и это потому, что они, эти дѣятели прошлаго, не безразличны для Васъ, что Вы отзываетесь на „дѣла минувшихъ дней“ со всѣмъ увлеченіемъ ума и сердца. Вамъ не свойственно это „позорное, по выраженію Грановскаго, и недостойное историка безпристрастіе въ которомъ видно только отсутствіе интереса къ предмету разсказа“, не имѣющее ничего общаго со „свободнымъ отъ всякихъ предубѣжденій воззрѣніемъ на спорные историческіе вопросы“, столь характернымъ для Васъ, какъ ученаго.

Мы привыкли представлять Васъ постоянно углубленно изучающимъ драгоценныя памятники, чтобы затѣмъ придти къ намъ и подѣлиться съ нами въ одушевленной бесѣдѣ результатами работы неустанной мысли. И насъ Вы зовете идти, по мѣрѣ силъ, по тому-же пути непосредственнаго обращенія къ источникамъ, научной самодѣтельности, самостоятельности мысли. Практическія занятія, подъ руководствомъ такого наставника и комментатора, какъ Вы, полны самага глубокаго интереса для каждаго ихъ участника, имѣютъ то значеніе, что на все дальнѣйшее время

указываютъ тотъ путь, по которому идти каждому историку должно и, въ концѣ концовъ, при трудолюбіи и наличности общаго, а тѣмъ паче университетскаго образованія, всегда возможно.

Наконецъ, съ благодарностью отмѣчаемъ Ваше всегда благожелательное, болѣе того — дружеское къ намъ отношеніе, привѣтливость и мягкость обращенія, снисходительность къ промахамъ и ошибкамъ.

Еще разъ горячо поздравляемъ Васъ, дорогой Андрей Сергѣевичъ, съ знаменательнымъ днемъ Вашего юбилея и еще много разъ желаемъ Вамъ бодрости и силъ для продолженія Вашей дѣятельности“.

Въ отвѣтъ на привѣтствіе студентовъ А. С. Вязигинъ сказалъ приблизительно слѣдующее:

„Каждая юбилейная рѣчь, по моему, — своего рода, прижизненная *laudatio funebris*. Однако только что выслушанное мною теплое привѣтствіе дорого мнѣ тѣмъ, что оно устанавливаетъ объединяющую насъ общность идеала. Дѣйствительно, наука не должна чуждаться жизни, но должна готовить къ ней, помогать въ неизбежной борьбѣ съ ея превратностями. Чтобы справиться съ выдвигаемыми жизнью жгучими и острыми вопросами, надо прежде всего знать. Ни одна наука не имѣетъ въ этомъ отношеніи такого значенія, какъ исторія, дающая намъ опытъ длинной вереницы поколѣній. Наблюдаемое здѣсь пестрое разнообразіе учреждений и характеровъ, сталкивающихся идей, страстей, руководящихъ побужденій и сложныхъ отношеній помогаетъ лучше и сознательнѣе разобраться въ настоящемъ, избѣгать множества уже сдѣланныхъ ошибокъ и неудачныхъ попытокъ. Но чтобы быть благотворнымъ, знаніе прошлаго должно быть сознательнымъ и точнымъ. Отсюда вытекаетъ насущная необходимость обращенія къ первоисточникамъ, къ человѣческимъ документамъ въ ихъ непосредственной прелести. Они переносятъ насъ въ давно исчезнувшую среду, они позволяютъ постичь ея своеобразную жизнь, собственными глазами усмотрѣть ея особенности, выработать собственное о ней сужденіе, они развиваютъ такое драгоценное и необходимое качество, какъ самостоятельность. Обогативъ себя знаніемъ, приучившись вдумчиво и самостоятельно относиться къ прошлому, человѣкъ спасаетъ свою духовную свободу отъ тяжелыхъ оковъ партійности. ^{Каждому} ^{должно} ^{превращаетъ} ^{гражданъ} ^{въ} ^{рабовъ}, не смѣющихъ имѣть собственное мнѣніе. Конечно, оно не можетъ быть безстрастнымъ, но должно быть непристрастнымъ — чуждымъ тупой предвзятости и узкой партійности. Такова назрѣвшая, соз-

Каждому
должно
превращаетъ
гражданъ
въ рабовъ,
не смѣющихъ
имѣть
собственное
мнѣніе.
Конечно,
оно не можетъ
быть
безстрастнымъ,
но должно
быть
непристрастнымъ
— чуждымъ
тупой
предвзятости
и узкой
партійности.
Такова
назрѣвшая,
соз-

нанная русскимъ обществомъ потребность переживаемого нами момента.

Готовясь къ очередной лекціи, я всегда имѣю въ виду свою аудиторію, ея возможные запросы и по мѣрѣ силъ стараюсь ихъ удовлетворить. Пройдутъ года и если когда нибудь при рѣшеніи поставленныхъ передъ вами жизнью задачъ, вы вспомните своего стараго профессора и его завѣтъ стремиться къ знанію, быть самостоятельнымъ и свободнымъ отъ путъ партійности мои старанія не пропали даромъ. Что на мою долю можетъ выпасть такое счастье,—показываетъ ваше сегодняшнее привѣтствіе.

Отъ всей души, искренно и горячо благодарю васъ за доброе слово, внушающее еще большую готовность не щадя силъ работать надъ любимымъ дѣломъ“.

Такимъ образомъ въ празднованіи двадцатипятилѣтія ученой и педагогической дѣятельности А. С. Вязигина приняли участіе не только профессора, но и студенты. И тѣ и другіе проявили полное единодушіе въ оцѣнкѣ почтеннаго юбиляра: они признали въ немъ крупнаго ученаго, имя котораго пользуется почетной извѣстностью не только въ русской, но и въ западно-европейской наукѣ, и замѣчательнаго преподавателя, неизмѣнно привлекающаго къ себѣ вниманіе своихъ слушателей. Пожелаемъ же и мы А. С. Вязигину, здоровья, силъ и душевной бодрости для того, чтобы по-прежнему съ великою честію нести знамя русской науки и вести къ свѣту знанія еще многія поколѣнія университетской молодежи.

12 февраля 1917 года.

КНИЖНЫЙ СКЛАДЪ

при Библиографической Секціи Совѣта обследованія и изученія Кубанскаго края.

Изданы и печатаются слѣдующія изданія:

„ТРУДЫ СОВѢТА ОБСЛѢДОВАНІЯ И ИЗУЧЕНІЯ КУБАНСКАГО КРАЯ“

Томъ I. Библиографія Кубанскаго края. (Систематическій указатель литературы съ рецензіями. Коллективный трудъ библиографической секціи подъ редакціей Б. М. Городечнаго. (Выходитъ выпусками).

Вып. 1. Общія сочиненія. — I. Библиографія. — Екатеринодаръ. 1918. 8°. VIII + 32 стр.

Вып. 2. Сборники и периодическія изданія научныхъ и общественныхъ учреждений. Екатеринодаръ. 1918. 8°. 33—80 стр.

Вып. 3. Продолженіе. Екатеринодаръ. 1919. 8°. 81—128 стр.

Томъ II. Культура мѣстныхъ растений и маслوبيлн промысленность въ Кубанской области. Составили: А. П. Протоповъ и Б. В. Буца. (Печатается).

Томъ III. Матеріалы общихъ и спеціальныхъ изслѣдованій Екатеринодарской Лабораторіи опытнаго земледовства. (Выходитъ выпусками).

Вып. 1. Я. Я. Витынь. Химическія изслѣдованія по культурѣ подсолнечника, производству маслوبيлн и поташнаго производствъ. Екатеринодаръ. 1918. 8°. 20 стр.

Вып. 2. Я. Я. Витынь. Матеріалы по изслѣзованію сельско-хозяйственныхъ продуктовъ Кубанской области. Екатеринодаръ. 1918. 8°. 21—43 стр.

Вып. 3. Я. Я. Витынь. Матеріалы по изслѣзованію воды и горныхъ богатствъ Кубанской области. Екатеринодаръ. 1918. 8°. 49—70 стр.

Вып. 4. Я. Я. Витынь. Кубанская имени И. Пигия опытно-показательная табачная плантація. Екатеринодаръ. 1918. 8°. 77—148 стр.

Вып. 5. А. В. Отыгальевъ. Вегетационные опыты съ табакомъ въ 1915 году. Екатеринодаръ. 1918. 8°. 149—170 стр.

Томъ IV. Статистико-экономическіе матеріалы по обследованію Кубанскаго края. (Выходитъ выпусками).

Вып. 1. Посѣвъ и сборъ главнѣйшихъ хлѣбовъ по Кубанской области въ 1917 г. Екатеринодаръ. 1918. 8°. 20 стр.

Вып. 2. Пашадъ посѣва главнѣйшихъ хлѣбовъ по Кубанской области въ 1918 г. и виды на урожаи. Екатеринодаръ. 1918. 8°. 21—44 стр.

Томъ V. Матеріалы по метеорологіи Кубанскаго края. (Выходитъ выпусками).

Вып. 1. А. Н. Вартапетовъ. Разкитіе стѣи метеорологическихъ станцій горія Кубанскаго края за періодъ времени съ 1853 года по 1917 г. (Печатается).

Томъ VI. Матеріалы по геологіи Кубанскаго края. (Выходитъ выпусками).

Вып. 1. И. Наркь и Н. Ляндтроль. Желѣзные руды Тамани. Екатеринодаръ. 1918. 8°. 1—10 стр.

Томъ VII. Матеріалы по хлѣбному дѣлу и торговлѣ.

Вып. 1. К. В. Сидоренко и бар. А. Е. Тизенгаузенъ. Оазаторная система и ея значеніе для Сѣвернаго Кавказа. Екатеринодаръ. 1919. 8°. 68 стр.

Кромѣ перечисленныхъ изданій продается:

Б. А. Сяловъ. Краткій очеркъ почвъ Кубанской области. Екатеринодаръ. 1918. 8°. 32 стр.

Складъ изданій Совѣта обследованія и изученія Кубанскаго края: Екатеринодаръ, Посполитанинская, домъ 119, комн. 14. Библиографическая секція (телефонъ 227).

На книжномъ складѣ кромѣ изданій Совѣта обследованія и изученія Кубанскаго края имѣются изданія различныхъ обществъ по Кавказовѣдѣнію.

